
РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА (часть 1)

А.С. Сагтар

НИУ ВШЭ

Аспирантская школа по философским наукам

Мясницкая ул., 1, Москва, Россия, 101000

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что Шопенгауэр, как известно, жаловался на «заговор молчания», организованный немецкими профессорами с целью погубить его философию, его книги все же были известны и до «комедии славы», которой они сподобились в 1850-х гг. Причем на этом этапе видение его философии, зафиксированное в немногочисленных, но красноречивых рецензиях и главах из монографий, было весьма отлично от теоретических установок, доминирующих в современных исследованиях. Также разнилось и восприятие его мысли как ее апологетами среди «апостолов» и «евангелистов», так и в академической среде, куда она незадолго до смерти философа начала проникать как часть университетских курсов по философии.

Поскольку ранняя и не искаженная последующими историко-философскими стереотипами рецепция философии Шопенгауэра может быть информативна для изучения содержания и истоков самой философии Шопенгауэра, в данной статье я проанализирую ее на основании источников, наименее изученных в отечественной истории философии, а именно на материале рецензий на прижизненные издания книг Шопенгауэра, полемики в философских журналах, которую вызвало первое знакомство академических философов с его системой, и на материале толкований ее ближайшими сподвижниками мыслителя («апостолами» и «евангелистами»).

ПЕРВЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА СОЧИНЕНИЯ ШОПЕНГАУЭРА

Первым рецензентом главной работы Шопенгауэра был платоновед и шеллингианец Фридрих Аст (Ast; рецензия вышла анонимно) (1). Рассматривая «Мир как волю и представление» с точки зрения философии тождества, Аст находит в ней много достойного одобрения, т.е. соответствующего доктрине Шеллинга — благо в первой книге этой работы Шопенгауэр прямо высказывает мысль об идентичности субъекта и объекта. Симпатична рецензенту и ориентация на платоновские идеи как на подлинное бытие (именно идеи он, благожелательно поправляя Шопенгауэра, считает вещью самой по себе, а не волю). Вторая рецензия (2) вышла (тоже анонимно) в октябре 1819 г. и также указывала на Якоба Бёме и Шеллинга как источники онтологии Шопенгауэра. Как и прочие рецензенты, неиз-

вестный автор хвалит ясность и чувство стиля Шопенгауэра. Школьный учитель Иоганн Рэтце, обсуждая Шопенгауэровскую метафизику, также указывает на Якоба Бёме (3).

Иоганн Фридрих Герbart в своей рецензии (4) также пытается встроить Шопенгауэра в определенную историко-философскую схему. Он называет его представителем той линии послекантовских философов, которые разрабатывали проблематику зависимости объекта от субъекта: «Рейнгольд — первый, Фихте — самый глубокомысленный, Шеллинг — самый всеобъемлющий, но Шопенгауэр — самый яркий, искусный и внятный». Герbart ставит теорию познания и даже метафизику воли Шопенгауэра в тесную связь с наукоучением и учением о нравственности Фихте. В связи с этим он считает доктрину Шопенгауэра неприемлемой. С другим недругом Шопенгауэра Герbart связывает учение об идеях — с Шеллингом. Другой позже известный рецензент — Фридрих Эдуард Бенеке — помимо критики заключения о сущности вещи самой по себе по аналогии с тем, что мы находим в себе как волю, также указал на сходство критики Канта Шопенгауэром и таковой Шульце (5).

Два года спустя после выхода «Мира как воли и представления» сотрудник «Лейпцигского литературного временника» и преподаватель Лейпцигского университета Вильгельм Труг (Trug) опубликовал анонимную рецензию (6), в которой ополчился в первую очередь на «Критику Кантовской философии» (он был непосредственным учеником Канта еще в Кёнигсберге) и на метафизику воли (он был еще и просветителем). Шопенгауэру он противопоставлял свой «трансцендентальный синтетизм», нацеленный на преодоление явления и вещи самой по себе, субъекта и объекта в сознании, а именно, в сознании философа.

Шопенгауэр, вопреки жалобам на замалчивание, вошел-таки в несколько учебников по философии. В «Пособии» Т.А. Рикснера ему уделяется немного места как «позднему отпрыску фихтевского учения о Я и его негативной стороне» (7). В 4-м и 5-м изданиях «Очерка истории философии» В.Г. Теннемана ему как автору «оригинального идеалистического воззрения» уделяется чуть больше полстраницы (8). Некто Баумгартен-Крузиус пишет о нем как о критике Кантовской философии и «достойном уважения теологе» (9). Об этих упоминаниях сам Шопенгауэр узнал лишь много позже — в отличие от скандинавских штудий, о которых вообще не узнал никогда. Содержательный реферат его философии содержится в вышедших в 1827 г. «Основах истории философии» шеллингианца Лоренцо Хаммарскёльда (Hammarsköld). До этого о Шопенгауэре упоминает еще один швед — Фредерик Бергбом в своей диссертации об идеализме Фихте (1822), в которой он отводит ему место между Фризом и Бенеке (10). Также о Шопенгауэре говорится в книге норвежца Нильса Трешова (1831) (11).

Однако на эти места, как уже сказано, долгое время не обращал внимание даже сам мыслитель, не говоря уже о широком читателе. «О воле в природе», вышедшее в 1836 г., нашло себе только одного рецензента, к тому же весьма неблагодарного. По иронии судьбы, им стал ученик Герbartа и ординарный профессор философии в Лейпцигском университете Густав Хартенштайн (Hartenstein).

Эта книга, по его мнению, имеет те же недостатки, что работы авторов, эпигоном которых является г-н Шопенгауэр — Фихте и Шеллинга; у первого он, по мнению рецензента, позаимствовал нежизнеспособную теорию познания, у второго — метафизику (имеются в виду текстуальные и концептуальные переключки с «Философскими исследованиями о сущности человеческой свободы») (12).

С большей благосклонностью отнесся к Шопенгауэру гегельянец Карл Розенкранц (Rosenkranz): он познакомился с *opus magnum* Шопенгауэра после письма философа с призывом напечатать пятое издание «Критики чистого разума» по первому и с одобрением отозвался о нем в послесловии к изданию собрания сочинений (впрочем, позже, уже в 1850-е он поспешить отречься от этого одобрения и осмеять Шопенгауэра) (13).

Публикация «Двух основных проблем этики» также не вызвала ажиотажа в академических кругах. Помимо двух статей в развлекательных журналах (14) было опубликовано две рецензии и в «серьезных» (15). Примечательно, что мнения их оказались диаметрально противоположными: автор одной из первых (напечатанной в газете «Пилот») называл Шопенгауэра величайшим философом столетия, автор одной из «серьезных» (напечатанной в «Галльском ежегоднике») говорила то же, но с издевкой: автор написал на Шопенгауэра довольно длинный пасквиль и советовал прочитать Шопенгауэра разве что ради курьеза.

Второе издание «Мира как воли и представления» встретило три рецензии. Одна была написана уже знакомым с «О воле в природе» Хартенштайном, который, по существу, лишь повторил критику Гербарта и указал на то, что Шопенгауэр не учел ее (он повторил и собственные упреки из рецензии на «О воле в природе», причем дословно) (16). Второй рецензией мир обязан эрлангенскому профессору Карлу Фридриху Кёппену (Körpen); больше о ней сказать нечего (17). Единственный содержательный отзыв принадлежит Карлу Фортлаге (18); он указывает на продуктивность пути, по которому предлагает пойти Шопенгауэр — эмпирическая метафизика, разворачивающаяся из внутреннего чувства как из самой достоверной истины. Несмотря на то, что Фихте, на его взгляд, выполнил эту задачу лучше (отметим: Фортлаге также связывает Шопенгауэровскую теорию познания и метафизику с фихтеанской), а отсутствие у Шопенгауэра разделения между «представлением» и «моим представлением» обличает в нем философа, не достигшего высот рефлексивной философии Фихте, — книга, тем не менее, свидетельствует о том, что немецкая натурфилософия еще способна на продуктивную работу.

Затем автор «Истории национальной немецкой литературы» Йозеф Хиллебранд (Hillebrand) отметил талант одного из представителей Фихтеанского идеализма, г-на Шопенгауэра (19), а энциклопедическая статья К.Ф. Бахмана «Идеализм» (20), где упоминается «яркий и оригинальный „Мир как воля и представление“ А. Шопенгауэра», имела, как ни странно, исторические последствия — именно через нее Юлиус Фрауэнштэт впервые познакомился с философией своего учителя.

С выходом «*Parerga und Paralipomena*» Шопенгауэра замечает более широкая философская пубоика. Его подробно обсуждает как Фортлаге в своей «Генетиче-

ской истории философии со времен Канта» (21), так и младший Фихте в своей «Системе этики» (22), где Шопенгауэр оказывается «в ближайшем родстве» с Гербартом в своей оппозиции идеализму Гегеля; Фихте находит в Шопенгауэре союзника даже для собственной философии, поскольку «аналогия воли», по его мнению — это залог существования личной свободы через осуществление «единичной воли», предшествующей всякому прочему ментальному акту (кроме, разумеется, «Utrposition» Духа-Бога). Иоганн Эдуард Эрдман (Erdmann) выделил философию Шопенгауэра как одну из основных линий послекантовской философии (23), причем подчеркивает, в пику Фихте-младшему, «кардинальное отличие» Шопенгауэра от Гербарта. В ответе Фихте оценка Шопенгауэра немного смещается: вместо продолжателя идеалистической философии он становится ее опровергателем (полностью отрицает столп идеализма — законы разума, конструирующие мир, — ради иррациональной и в контексте мира как явления необъяснимой воли), тем самым ставя себя в оппозицию к ней.

Несмотря на отличие их позиций, ни один из них не сомневался, включая идеи Шопенгауэра в контекст проблем и решений послекантовской философии, рассматривая его в тесной связи с немецким идеализмом (в том числе, как было сказано, в связи с Гербартом, которого стали рассматривать в качестве альтернативы уже отцветшей философии Гегеля и не особо популярной поздней философии Шеллинга). Примечательно, однако, и то, что каждый рассматривал Шопенгауэра только с точки зрения какого-то одного аспекта, причем у каждого эти аспекты были разные: для Фихте — этика, для Эрдмана — онтология и эпистемология.

Одним из главных концептуальных упреков Фихте-младшего Шопенгауэру состоял в том, что воля как абстрактный иррациональный принцип не может проявляться в мире явлений, поскольку последний выстраивается как раз рациональной инстанцией — разумом и рассудком.

Однако за этим разделением слепой силы и чистого разума кроется оппозиция спиритуализма-материализма, которую сам Шопенгауэр считал ложной, поскольку обе ее части все еще остаются в рамках реализма. Как раз это пытался прояснить и раскрыть Фрауэнштэт как в «Письмах о шопенгауэровской философии», так и в полемике в «Журнале философии и философской критики». Сам, впрочем, толковал материалистически, в конце концов (в «Новых письмах...») назвав Шопенгауэра реалистом. Таким образом, толковал вещь саму по себе как отдельную субстанцию. Ему возражал Ульрики, который принял разъяснения Фрауэнштэта за философию Шопенгауэра: то, каким кажется мир субъекту, не дает права заключить о том, каков он на самом деле (заключение по аналогии о вещи самой по себе как субстанции).

Таким образом, в начале 1850-х Шопенгауэр появляется почти в каждом выпуске «Журнала философии и философской критики» в полемике между Фихте, Эрдманом, Генрихом Ульрики (Ulrici) и Фрауэнштэтом. В эти дебаты включился и один из основателей Берлинского философского общества (Philosophische Gesellschaft zu Berlin) гегельянец Михелет (Michelet) (24). Он попытался примирить противоречие между реалистической и спиритуалистской трактовками Шопенгауэра, основываясь на том, что он сводит их к более общему единству, называя коррелятами. Между прочим он открыто заявлял о том, что Шопенгауэр повторил

Гегеля и Шеллинга в самых существенных моментах, а понятие воли у Шопенгауэра — лишь замена понятию «разум» у Гегеля. Причем полемика (а следовательно, и оценка философии Шопенгауэра в целом) была сосредоточена вокруг онтологических вопросов. Сам Шопенгауэр, разумеется, с презрением смотрел на нее.

Тем более поводов было для его презрения, чем более малодоказательными, на его взгляд, были попытки включить его в качестве одного из элементов великой цепи истории философии, причем таким образом, о котором он и помыслить не мог. Тот же Эрдман заявил, что метафизика Шопенгауэра — лишь односторонняя вариация всеохватной метафизики гегельянства. Людвиг Ноак (Noack) в «Философской пропедевтике» (25) пытается логически привязать развитие сознания в системе Гегеля с Шопенгауэровской волей. Чуть позже гегельянец Виктор Кий (Kij) (26) провозгласит, что система Гегеля, чтобы быть абсолютной полнотой постижения истины, нуждалась только в обогащении некоторыми постулатами Шопенгауэровской метафизики (таким образом вписывая появление последней в некий мировой процесс жизни Духа в истории философии). Еще чуть позже Юлиус Банзен и Э. фон Гартман попытаются претворить подобный проект в жизнь. Историко-философские же исследования старались разложить систему Шопенгауэра на составные части и вписать в контекст идеализма (чаще всего — Канта, Фихте и Шеллинга, но иногда, как отмечалось, и Гегеля); среди авторов подобных попыток — Форлэндер (27) и Дильтей (28).

Также можно упомянуть несколько довольно проходных цитат из «Мира как воли и представления» во втором издании Гербартовского «Учебника по введению в философию» (1821), несколько страниц в рейнгольдском «Пособии по всеобщей истории философии» (1830), исчезнувшие в последующих изданиях упоминания Шопенгауэра в «Системе спекулятивной этики» (1850) Халюбойса (Chalybäus) и в заключении к 12-му тому «Истории философии» (1853) Риттера (29).

В принципе, эти штудии сыграли небольшую роль в становлении «шопенгауэроведения» и были скорее симптомом его растущей популярности, чем ее причиной. Для них характерна также неумолимая страсть к классификации историко-философского процесса и встраивание Шопенгауэра в него согласно, говоря иным языком, «партийному» принципу. Главным образом, его видели в свете немецкого идеализма, но также (и чуть позже) в свете восточной философии или философии романтизма. Шопенгауэр при этом был еще и определенной вехой: его философия была поводом осмыслить новые пути немецкой философии и возможное будущее идеализма вообще. В то же время самого философа по большей части ставили довольно низко и относились к нему скорее как талантливому, но не в меру высокомерному писателю, чем как к философу. Но настоящее признание он получил, конечно, не у них. О «комедии славы» Шопенгауэра и его широком признании речь пойдет во второй части статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Jahrbücher der Literatur*. 6. Band 1819. April, Mai, Juni. Wien. S. 201—229. Перепеч. в: 4. Jb. 1917, S. 47—81. Здесь и далее Jb. в примечаниях означает *Schopenhauer-Jahrbuch*, цифра перед этим сокращением — номер тома, цифра после — год выхода.

- (2) Litterarisches Wochenblatt. Redigiert von Wilh. Hoffmann. Weimar. 4. Band. Nr. 30. Oktober 1819. S. 234—236. Перепеч. в: 6. Jb. 1917. S. 81—85.
- (3) Rätze J.G. Was der Wille des Menschen in moralischen und göttlichen Dingen aus eigener Kraftvermag, und was er nicht vermag. Leipzig, bei Hartmann, 1820. Перепеч. в der Vorrede: 6. Jb. 1917. S. 86—89.
- (4) Materialien zu Schopenhauers "Die Welt als Wille und Vorstellung". Frankfurt a.M., 1984. S. 107—117.
- (5) Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung. No. 226—229. Dezember 1820. (S. 378—403, 1. Spalte.) Перепеч. в: 6. Jb. 1917. S. 118—149.
- (6) Leipziger Literatur-Zeitung. 24. und 25. Januar 1821. No. 21 und 22. Перепеч. в: 6. Jb. 1917. S. 158—175.
- (7) Rixner T.A. Handbuch der Geschichte der Philosophie, Sulzbach 1822—1823. Bd. 111. S. 344.
- (8) Tennemanns W.G. Grundriß der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. 4. Aufl. Leipzig 1825. 5. Aufl. Leipzig 1829. S. 514.
- (9) Baumgarten-Crusius L.F.O. Lehrbuch der christlichen Sittenlehre. Leipzig, 1826. S. 119 f.
- (10) См.: Fürreg E. Schopenhauer und Schweden // 26. Jb. 1939. S. 338—356.
- (11) См.: Mockrauer F. Schopenhauer und Dänemark. Neue urkundliche Belege zur Beleuchtung dieses Verhältnisses // 22. Jb. 1935. S. 302—306.
- (12) Repertorium der gesammten deutschen Litteratur. Hrsg. von E. G. Gersdorf (Leipzig 1836). Bd. IX. S. 367—368.
- (13) Kants sämtliche Werke, hrsg. von Rosenkranz und Schubert, Bd. 12, Leipzig, 1840, S. 475—481.
- (14) Blätter für litterarische Unterhaltung, Jahrg. 1841, Nr. 133, S. 539—540; Jüngstes Gericht über die Hegeische Philosophie // "Pilot" (Mai 1841).
- (15) Repertorium der gesammten deutschen Litteratur. Hrsg. von E.G. Gersdorf (Leipzig 1836), Bd. XXVII (1841), S. 334—338; Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst, Juli 1841, Nr. 8—13, S. 29—31, 33—51.
- (16) Leipziger Repertorium der deutschen und ausländischen Literatur, 2. Jahrg., 3. Bd., Leipzig 1844, S. 91—93.
- (17) Blätter für litterarische Unterhaltung, 1845, Nr. 278—281, Oktober 1845.
- (18) Neue Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung, 4. Jahrg., Nr. 146—151, 19—25. Juni 1845.
- (19) Die Deutsche Nationallitteratur seit dem Anfang des 18. Jahrhunderts, besonders seit Lessing, bis auf die Gegenwart, historisch und ästhetisch-kritisch dargestellt von Josef Hillebrand. Hamburg und Gotha 1845, 1846. Bd. 111, S. 384 f.
- (20) Ersch und Grubers Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 11. Sektion, 15. Theil, 1838.
- (21) Fortlage, C. Genetische Geschichte der Philosophie seit Kant. Leipzig 1852.
- (22) Fichte I.H. System der Ethik. Leipzig 1850—1853.
- (23) Erdmann J.E. Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie. Leipzig 1834—53. Dritte Abteilung: Die Entwicklung der deutschen Spekulation seit Kant. 1853, 11, S. 381—417.
- (24) Michelet C.L. Arthur Schopenhauer // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik 27 (1855), 34—59, 227—249.
- (25) Noack L. Propädeutik der Philosophie. Einleitung in die Philosophie und Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften. Weimar, 1854.
- (26) Kij V. Der Pessimismus und die Ethik Schopenhauers. Berlin, 1866.
- (27) Vorländer K. Geschichte der Philosophie, 7. Aufl. 1927, Bd. III, S. 82.
- (28) Dilthey W. Grundriß der allgemeinen Geschichte der Philosophie. Frankfurt a.M. 1949, S. 218.
- (29) В связи с этим см.: Hübscher, A. Schopenhauer-Bibliographie. Stuttgart, 1981. S. 270—275.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Hübscher A. Schopenhauer-Bibliographie. Stuttgart, 1981.
- [2] Hübscher A. Nachwirkungen Schopenhauers // 48. Jb. 1967. S. 90—94.
- [3] Hübscher A. Schopenhauer in der philosophischen Kritik // 47. Jb. 1966. S. 29—71.
- [4] Krauss I. Studien ueber Schopenhauer und den Pessimismus in der deutschen Literatur des 19. Jahrhunderts. Bern, 1931.
- [5] Safranski R. Schopenhauer und Die Wilde Jahre der Philosophie. München. Wien, 1987.
- [6] Kamata Y. Der junge Schopenhauer: Genese des Grundgedankens der Welt als Wille und Vorstellung. Freiburg; München, 1988.

EARLY RECEPTION PHILOSOPHY OF ARTHUR SCHOPENHAUER (part 1)

A.S. Sattar

NRU HSE,
Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities
Myasnickaya str., 1, Moscow, Russia, 101000

This article aims to analyze the early reception of the philosophy of Arthur Schopenhauer from the first reviews of his main work “The World as Will and Representation” up to the end of 1850th. The main approaches to interpretation of Schopenhauer’s philosophy among German-speaking philosophers and publicists are considered, as well as the change in forms of elucidation which it underwent during the polemics between its opponents and advocates before Schopenhauer’s philosophy became widely renowned.

REFERENCES

- [1] Hübscher A. Schopenhauer-Bibliographie. Stuttgart, 1981.
- [2] Hübscher A. Nachwirkungen Schopenhauers // 48. Jb. 1967. S. 90—94.
- [3] Hübscher A. Schopenhauer in der philosophischen Kritik // 47. Jb. 1966. S. 29—71.
- [4] Krauss I. Studien ueber Schopenhauer und den Pessimismus in der deutschen Literatur des 19. Jahrhunderts. Bern, 1931.
- [5] Safranski R. Schopenhauer und Die Wilde Jahre der Philosophie. München. Wien, 1987.
- [6] Kamata Y. Der junge Schopenhauer: Genese des Grundgedankens der Welt als Wille und Vorstellung. Freiburg; München, 1988.